
В. А. ИГНАТЬЕВ

РОЛЬ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ В РАЗРЕШЕНИИ АЛЬТЕРНАТИВ БИОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Дарвинизм как селектогенез (признание естественного отбора ведущим творческим фактором эволюции) и как тихогенез (признание роли случайных постепенных наследственных изменений в видообразовании) критиковался сторонниками противопоставляемых ему концепций ортогенеза и номогенеза. Позицию критиков учения Ч. Дарвина в понимании соотношения закономерности и случайности в эволюции довольно точно выразил Н. Н. Страхов: «Вообще всякая определенность, всякий закон, всякое правило, которое мы откроем в изменениях организмов, в ходе наследственности, в явлениях скрещивания, упраздняют теорию Дарвина. Ибо неперемное условие дарвиновского процесса – полная неопределенность во всех этих областях, полный хаос, из которого потом сам собой родится порядок, под действием единого определенного начала – пользы, то есть спасения от гибели»¹.

Представления об определенных, направленных изменениях как результате действия некоторого внутреннего закона (часто идеального, разумного или интеллектуального фактора), противопоставление метафизически понятой закономерности случайным изменениям, устранимым будто бы законом, составляют сущность концепции ортогенеза – направленных закономерных эволюционных изменений органических форм. В учении об ортогенезе, выдвинутом немецким зоологом Т. Эймером (1843–1898) в конце XIX века, определенный направленный характер наследственных изменений подчинялся тем же физико-химическим законам, что и рост кри-

¹ Страхов, Н. Дарвин // Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки. – Кн. 2. – Киев, 1897. – С. 464.

сталлов. Естественный отбор оказывался консервативным фактором. А определенность, направленность изменений эволюционирующих форм связывалась с действием внутренних факторов – обстоятельствами, климатом и почвой, изменяющими строение организма. Онтогенез при этом понимался как сокращенный филогенез.

Т. Эймер не принял откровенно идеалистические установки телеогенеза, включавшего (в учениях немецких ботаников XIX века А. Келликера и К. Нэгели) признание сверхъестественной силы, действие которой и обуславливало направленность, определенность эволюционных изменений. По пути признания идеальных сверхъестественных факторов пошли русские критики дарвинизма: Н. Я. Данилевский, С. И. Коржинский, Н. Н. Страхов. Противопоставление закономерности случайным изменениям, устраняемым будто бы законом, проводили автор учения о номогенезе Л. С. Берг и следовавший за ним в отстаивании идей номогенеза А. А. Любищев. Л. С. Берг ставил цель: обосновать, что эволюция есть номогенез – «развитие по твердым законам в отличие от эволюции путем случайностей, предполагаемой Дарвином». В учении о номогенезе были повторены многие доводы противников дарвинизма, уже приводившиеся ранее в критических работах, и весьма обстоятельно – в работах Н. Я. Данилевского. Л. С. Берг отметил, что он познакомился с книгой Н. Я. Данилевского, найденной им превосходною и во многом сходною с его учением, особенно в части возражения дарвинизму, когда уже был подготовлен его «Номогенез...».

В «Предисловии» к «Номогенезу...» Л. С. Берг писал о второстепенности или даже ненужности для эволюционизма основных положений дарвинизма: «Влияние борьбы за существование и естественного отбора в этом процессе имеет совершенно второстепенное значение, и, во всяком случае, прогресс в организации ни в малейшей степени не зависит от борьбы за существование»². Не принимая действия естественного отбора как ведущего фактора эволюции, Л. С. Берг отвергал и витализм как простую констатацию фактора целостности, не продвигающую науку вперед. Столь же категорично отвергалась польза учений А. Шопенгауэра о воле, Э. Гартмана – о бессознательном, Г. Дриша – об энтелехии, А. Бергсона – о жизненном порыве.

² Берг, Л. С. Номогенез или эволюция на основе закономерностей. – Пг., 1922. – С. III.

В качестве важнейшего фактора существования и изменения форм жизни Л. С. Берг предложил принять целесообразность, характеризуя ее как простейшее, далее неразложимое свойство живого, подобное раздражимости, сократимости, способности к питанию, размножению. Истинная способность целесообразности, по Л. С. Бергу, не ясна, не объяснима наукой и является проблемой метафизической, находящей решение либо в религии, либо в философии. В этих взглядах можно было бы увидеть предвосхищение идеи телеономичности, объективирующей целесообразность, если бы автор не пояснил, что он понимает под метафизической сущностью целесообразности, в других работах.

Л. С. Берг выразил свое полное согласие с Махом, Пирсом, Пуанкаре, Дюгемом в понимании задачи науки, исчерпывающейся «приведением в порядок понятий или, иначе, описанием и классификацией»³. Под влиянием позитивистского понимания ценности Берг связывал целесообразность с ценностью⁴, ссылаясь при этом на работу А. Пуанкаре «Ценность науки» (М., 1906). Ценность же Л. С. Берг сводил к идее Абсолютного Добра как первопричины изменений живого: «В определение жизни как целесообразных раздражений входит категория оценки. Живое является ценным. Ценность – в идее добра, которое призвано осуществить все живое»⁵. Далее следовали выводы: «Нам не остается ничего иного, как признать, что жизнь в процессах размножения осуществляет некий метафизический принцип Добра... Единственно наличие этических постулатов заставляет нас верить в то, что существует Абсолютное Добро, осуществляющее благо инстинкта, то есть слепого механизма»⁶.

Некоторые из высказываний А. А. Любищева о философских основаниях науки в разных статьях и опубликованных архивных материалах позволяют заключить о связи отрицания им значения естественного отбора в эволюции с идеалистически понимаемой ценностью как некоего Добра. Представление о роли метафизического принципа Добра, заменяющего естественный отбор, откровенно высказали Н. Я. Данилевский, Н. Н. Страхов и Л. С. Берг.

³ Берг, Л. С. Наука, ее содержание, смысл и классификация. – Пг., 1924. – С. 10.

⁴ Там же.

⁵ Там же. – С. 60.

⁶ Там же. – С. 63, 64.

Как и они, А. А. Любищев признал выводы селекционизма ужасными. Что кроется за этой фразой об ужасности конечных выводов дарвинизма? Ответ мы найдем в работах Н. Я. Данилевского, этой своеобразной энциклопедии критических аргументов, воспроизведенных с разной степенью полноты другими противниками дарвиновского учения.

Н. Я. Данилевский считал взгляды Ч. Дарвина на природу наименее эстетичными из известных ему, поскольку «подбор – это печать бессмысленности и абсурда, напечатленная на челе мироздания, ибо это – замена разума случайностью»⁷. Для характеристики неэстетичности дарвиновского эволюционного учения проводилась параллель с эпизодом из стихотворения Шиллера «Покрывало Исиды (Изиды)». Оно повествует о юноше, который поднял покрывало, скрывавшее лик истины, и упал полуживым от пережитого страха перед ужасным видом истины. «Если лик истины носил на себе черты этой философии случайности, если несчастный юноша прочел на нем роковые слова **“естественный подбор”**, то он пал, пораженный не ужасом перед грозным ее величием, а должен был умереть от тошноты и омерзения, перевернувших все его внутренности, при виде гнусных и отвратительных черт ее мизерной фигуры. Такова должна быть и судьба человека, если это – истина»⁸.

Ориентация антидарвинистов на телеологически понятую направленность и закономерность процессов живой природы позволяла им соответствующим образом объяснять факты, в том числе и те, что обычно использовали дарвинисты для обоснования естественного происхождения видов. По такому пути пошел Д. Н. Соболев,

отделивший, как и А. А. Любищев, вопрос о закономерности эволюции от проблемы целесообразности. По сути дела, закономерность сводилась ими к направленности, осуществлению некоего плана, кем-то, когда-то и как-то установленного и, следовательно, понимаемого идеалистически. При этом формально Д. Н. Соболев отмежевался от идеализма, а А. А. Любищев принял постулат, будто

⁷ Данилевский, Н. Я. Дарвинизм: Критическое исследование. – Т. I. – Ч. 2. – СПб., 1885. – С. 529.

⁸ Там же. – С. 529–530.

«истинный витализм не отрицает возможности решения проблемы жизни, пользуясь исключительно физико-химическими понятиями»⁹.

Идеалистическую направленность работ Л. С. Берга и Д. Н. Соболева о номогенезе, противопоставляемом дарвиновской эволюции, неправильное истолкование ими ряда фактов вскрыли авторы сборника «Номогенез...»¹⁰, Критика ими номогенетических концепций в статьях сборника, комментариев К. М. Завадского и А. В. Георгиевского к переизданным в 1977 году трудам Л. С. Берга по теории эволюции делают излишним обстоятельный разбор вариантов номогенетических учений. Между ними имеются линии преемственности в воспроизведении основных идей и в повторении тех же фактов с добавлением новых. Отмечавшиеся критикой недостатки номогенетических взглядов Л. С. Берга во многом сохраняют свою актуальность для критического освоения идей и приведенных для их подтверждения фактов в работах А. А. Любищева. В них хотя и был отделен вопрос о целесообразности от вопроса о закономерности эволюции, но сохранились все основные черты номогенетического толкования эволюции.

Доводы критиков номогенеза А. А. Любищев не принимал во внимание, продолжая и в последующие годы отстаивать идею закономерности эволюционного процесса, допуская в неявной форме идеалистическое истолкование определенности и направленности прогрессивных изменений живого, в сочетании с отождествлением действия физико-химических факторов в неживой и живой природе. В последнем случае закономерное протекание органических процессов ставилось в один ряд с появлением морозных узоров на стекле, их формой и расположением.

Противопоставление селекционизму идеалистически понятой закономерности обнаруживается и в работе А. А. Любищева «О природе наследственных факторов», в которой прямо говорится о связи разделяемых ее автором номогенетических взглядов с идеалистическими представлениями предшественников о нематери-

⁹ Любищев, А. А. О природе наследственных факторов (Критические исследования) // Известия Биол. научно-исследоват. ин-та при Пермском гос. ун-те. Приложение I. – Пермь, 1925. – С. 116.

¹⁰ Номогенез. Сб. критических статей. Теория номогенеза. Новая фаза в развитии روسийского антидарвинизма. – М., 1928.

альном гене – потенциальной субстанциональной форме, актуализующейся при осуществлении процессов развития.

Предпринятая А. А. Любищевым попытка использовать виталистические понятия в научном анализе могла привести к выработке непротиворечивых и продуктивных объяснений в направлении, задаваемом идеалистическим подходом. Однако считать верными такие понятия (например гена как субстанциональной или потенциальной формы) нельзя по той простой причине, что вводимые Л. С. Бергом и А. А. Любищевым постулаты номогенеза, вопреки желаниям их авторов, не только не давали выхода из «многих тупиков», но и оказались, по образному выражению одного из критиков номогенеза А. М. Никольского, понятиями кандидовой философии, опиравшимися на телеологические представления. Понятия, постулаты телеологических концепций сами нуждаются в объяснении заключенных в них представлений о направленности, целесообразности, планомерности, неразложимости и других приписываемых им признаков. Понятия же «кандидовой философии», как и телеологические представления, ориентируя на принятие сверхъестественного фактора, не могут выполнять функции методологических ориентиров **научного** познания, нацеленного на получение истинного знания.

Мировоззренческая непоследовательность, противоречивость в оценках научных данных характерна и для другой статьи А. А. Любищева «Понятие эволюции и кризис эволюционизма». В ней сделана попытка выявить суть кризиса эволюционизма через сопоставление парных категорий, отражающих противоречивость объективных процессов развития в органическом мире. Такими являются понятия: эволюция (трансформация) и постоянство, эволюция (пре-формация) и эпигенез, эволюция и революция, эволюция и эманация (происхождение низшего из высшего – творческого, божественного начала). Менделизм, по мнению А. А. Любищева, показал кризис трансформизма, выдвинув понятие гена и приняв статистические элементы в учении о наследственной изменчивости. Отсюда делался вывод о противоположности динамичного подхода, будто бы только и признаваемого дарвинизмом, и статистического подхода, которым желательно дополнить дарвинизм.

В понимании кризиса эволюционизма как трансформизма и роли в этом динамических и статистических подходов, особенно в их

противопоставлении, А. А. Любищев допустил произвольное толкование терминов и неоправданно приписал дарвинизму использование только динамического подхода. А ведь именно дарвинизм, исходя из представления о роли случайных изменений, явился одним из первых научных направлений, проложившим дорогу статистическому (вероятностному) подходу, учитывающему роль объективно случайных процессов как формы проявления необходимости и затронувшему все области научного знания.

Представления о нематериальной и активной форме были скрытым основанием постоянной устремленности А. А. Любищева к созданию новой, неисторической, неэволюционной классификации форм жизни, подобной периодической системе Д. И. Менделеева. Усилия А. А. Любищева реализовались в нескольких работах, представляющих суждения о слабости существующих классификаций и возможности иных построений систематики. Но к заметным успехам в построении или даже в подступах к новой, внеисторической, внегенетической системе живого его работы не привели. Сделанный А. А. Любищевым вывод, что систематика не является исторической наукой, был (и остается!) весьма спорным. Вместе с тем, в ряде замечаний, особенно о недостатке систематики на основе только историзма, односторонности принятого дарвинизмом униформистского принципа медленных постепенных изменений, А. А. Любищев осветил слабые стороны учения Ч. Дарвина. А именно признание монофилетического происхождения животных и растений (или происхождение от немногих «родительских» форм) и преимущественного (или даже обязательного) дивергентного пути эволюции.

Приведенные сопоставления взглядов А. А. Любищева и представителей русских критиков дарвинизма убеждают в их несомненной связи и одинаковости принципиальных положений по отрицанию ведущей роли естественного отбора, случайного характера наследственных уклонений, противопоставляемых эволюции на основе действия некоторых внутренних факторов. Не является оригинальным элементом «феномена Любищева» сомнение в примате функции над формой. Такое сомнение задолго до описания явлений пре-адаптации высказывал Ж. Б. Ламарк. В. Л. Комаров привел высказывание Веттштейна – одного из исследователей творчества

Ламарка – о том, что отличие эволюционных учений Ж. Б. Ламарка и Ч. Дарвина заключается в решении вопроса: «происходит ли сначала изменение органа и функция является следствием этого изменения, или функция сама приобретает соответствующий орган?» Конечно, как и каждый из антидарвинистов, А. А. Любищев привел новые факты, рассуждения, но не высказал принципиально новых взглядов, которые не были бы сформулированы до него противниками дарвиновского учения об эволюции. Не являются принципиально новыми и идеи о развитии научного знания, такие как требование четкости понятий, научности (достоверности) фактов в системе правильных общих концепций, включении методологических идей (принципов) в ткань научных знаний. Эти положения разрабатываются в диалектико-материалистической (марксистской) философии в связи с критикой разновидностей позитивизма и идеалистических «шатаний» ученых-естествоиспытателей.

Приведенные положения свидетельствуют об отсутствии «феномена Любищева». Уместно поставить вопрос: дает ли современная наука (или предлагает ли) объяснения «трудным и нежелательным для биологии фактам», приведенным в работах А. А. Любищева, да и других сторонников ортогенеза и номогенеза? Многочисленные факты параллелизмов, конвергенции, полифелитических связей органических форм, приведенные критиками дарвиновского учения об эволюции, требуют определения их роли, места в эволюционных процессах. Требуется выяснить их связи с дивергенцией, базирующейся на случайных наследственных изменениях. Предпринимаются попытки анализа соотношения принципов селектогенеза и направленности, закономерности процессов эволюционных изменений, выявленных критиками дарвинизма. Так, А. С. Северцов отметил, что распространение параллельных и конвергентных изменений, отсутствие заметных переходов между таксонами высокого ранга служили основанием для выводов об эволюции путем ортогенеза без дивергенции признаков. При этом упускалось из виду, что ортогенез признаков не подразумевает и не предполагает (в качестве обязательного соответствия) ортогенеза таксонов, обладающих этими признаками.

В концепциях ортогенеза и номогенеза признание изначальной и сверхъестественной способности к определенным изменениям

форм жизни заключало и рациональное зерно. Это мысль о направленности эволюционных процессов и вопрос о факторах, вызывающих эту направленность. Уже во второй половине XX века академик М. С. Гиляров, как и А. А. Любищев, обосновывал положение о наличии направленности и конвергентных изменений в эволюции биосистем. М. С. Гиляров показал, в частности, что активное передвижение животных связано с выработкой двусторонней симметрии. Эта универсальная приспособительная форма изменчивости проявилась и в том, что «отдел тела, именуемый головой, придатки, именуемые ногами, настолько функционально и проморфологически сходны, например, у млекопитающих и насекомых, что правомерность их сравнения не вызывает сомнений»¹¹. Параллельное и конвергентное сходство приспособительных признаков организации биосистем было подмечено давно и находило выражение в учении о сходстве типов.

Сходство «типов строения» и параллельно идущих изменений в различных систематических группах определяется возможностью адаптации к одинаковым условиям, накладывающим ограничения на число возможных вариантов приспособительных изменений. С. В. Мейен показал, что существуют структурные внутренние ограничения в выработке адаптации. Из этих фактов С. В. Мейен сделал выводы о господстве законов морфологии над процессами адаптации. В подобных попытках соединить дарвинизм с номогенезом сохраняется противопоставление необходимости и случайности, направленность отождествляется с закономерностью. По С. В. Мейену, номогенез и селектогенез диалектически соотносятся между собой как необходимость и случайность. Тем самым селектогенез оказывается на вторых ролях в качестве дополнения к номогенезу.

Вопросы направленности эволюционных изменений достаточно сложны и недостаточно исследованы. Данные биологии не дают оснований противопоставлять необходимость случайности, сводить направленность к закономерности и противопоставлять их ненаправленным, случайным наследственным изменениям организмов. Приводимые сторонниками номогенеза факты говорят лишь об ограничении возможных путей эволюционных изменений биоси-

¹¹ Гиляров, М. С. Некоторые методологические проблемы теории эволюции в биологии // Филос. науки. – 1981. – № 1.

стем. Теоретически возможно множество путей приспособительных изменений. Выбор определенного направления или нескольких линий изменения зависит от уже сложившейся организации, воплотившей в своих структурах предшествовавший «опыт» развития и канализирующей возможные приспособительные изменения по определенным, ограниченным в числе направлениям. Прошлое предопределяет возможности настоящих и будущих изменений.

Наличие направленности на каких-то отрезках линий эволюции получает рациональное объяснение с позиций диалектико-материалистического понимания развития как «само» развития, а его движущих сил – как противоречивых взаимоотношений сторон сущности предмета. Поставленная в концепциях ортогенеза проблема определенной направленной изменчивости не могла быть решена при допущении сверхъестественных факторов, придающих направление «извне» или «изнутри» системы, равно как и при механистическом отождествлении законов эволюции с действием законов неорганической природы. В уподоблении результатов органических изменений появлению рисунка морозных узоров на стекле фиксируются общие моменты закономерности природных процессов, но не учитывается ни «механизм» достижения результата, ни «смысл» объективных целевых отношений, подчиненных в органическом мире задаче самосохранения живого.

Диалектико-материалистические представления о развитии как саморазвитии и борьбе противоположностей как причине изменения целостных систем позволяют подойти к рациональному объяснению моментов параллельного и конвергентного сходства приспособительных изменений организмов различных систематических групп, на что обращали внимание Л. С. Берг и А. А. Любищев. Наличие моментов направленности эволюционных изменений отмечали не только «номогенетики», но и биологи, отстаивавшие взгляд о творческой роли естественного отбора и разрабатывающие основы синтетической теории эволюции, как, например, И. И. Шмальгаузен. Возможно, в споре о правомерности номогенетических взглядов в будущей науке о жизни – теоретической, или «неклассической», биологии – не будет победителя. Такая мысль высказывалась при обсуждении проблемы соотношения селекционизма и номогенеза. Автогенетические и экзогенетические концепции био-

логических процессов неизбежно ведут к идеалистическим трактовкам явлений жизни, не дающим рационального объяснения моментов направленности в эволюции форм жизни.

Обсуждение проблемы направленности эволюционных процессов выявляет ограниченность доводов каждой из спорящих сторон, противопоставляющих селекционизм номогенезу. Дальнейшее движение биологии возможно по пути синтеза, а не простого объединения положительного содержания принципов селекционизма и номогенеза. Они в сочетании с учетом системного характера организации и процессов развития биосистем позволят выработать новую парадигму науки об органической жизни. Новая парадигма биологии формируется с созданием и развитием СТЭ, включающей идею естественного отбора в сочетании с представлениями о генетико-автоматических процессах и направленности эволюционных изменений на отдельных отрезках, линиях исторического развития видов.

В формирующейся новой модели развития органической жизни могут найти место моменты истины, высказанные в ламаркизме, дарвинизме, номогенезе, сальтационистских учениях, вариантах «недарвиновской» эволюции, объединяемые ведущими идеями с новыми фактами и их обобщениями. Среди положений, образующих теоретические основания нового учения, подобающее место должна занять идея адаптации, выражающая сущностную характеристику процессов органической жизни. Фактически реализация общих принципов образования систем («твердых законов», принимаемых в номогенезе) оказывается стохастическим процессом адаптации, или приспособления, к соответствующей их организации среде обитания.

Выявление стохастичности процессов, обеспечивающих жизнеспособность новых форм по «твердым законам» номогенеза, как и ограничения спектра случайных наследственных изменений в СТЭ сложившейся организацией и условиями среды, сближает позиции альтернативных моделей в решении вопроса об адаптивности и направленности эволюции. Сторонники альтернативных моделей, выделяя разные источники и механизмы наследственной изменчивости, приходят к признанию того, что функции организма должны соотноситься с условиями среды. Особенно в процессах исторического развития. То есть они приходят к признанию адаптивного характера эволюции, допуская появление отдельных признаков,

неадаптивных в данных условиях среды. Преодолевается и прежняя конфронтация популяционистского и организмоцентристского стилей мышления, когда дело касается объяснения реальных процессов, новых фактов, требующих изменения ранее выработанных схем и стереотипов.

Представления об адаптивном характере процессов развития живого прошли через века исканий истины. Правомерно ли считать, что «именно адаптационная доктрина привела к упадку эволюционную морфологию, сделала бесплодными дискуссии по общим проблемам эволюции»?¹² Имеющийся в распоряжении ученых материал позволяет не согласиться с таким предположением, подтверждая, думается, нечто другое. А именно присущее живому свойство активного приспособления к меняющимся условиям. Оно во многом обеспечивает эффект телеономности, веками принимавшийся рядом исследователей за телеологичность, соотносимую с холизмом (целостностью) всего живого.

То завидное постоянство, с каким в течение веков воспроизводятся идеи адаптации и отбора в живой природе, подтверждает наличие в них моментов истины – верного отображения объективных процессов органического мира или их существенных сторон. Адаптация присуща всем уровням органической жизни: от согласования в пространстве и времени молекулярных взаимодействий до стохастических процессов, в которых устанавливается соответствие организации биосистем изменившимся условиям среды. Заслуживают также внимания предложения о сохранении рационального содержания селектогенеза, орто- и номогенеза в концепции ортоселекции, идею которой высказал еще в начале века Л. Плате. В свете современных данных идея разработки ортоселекции получает новое значение. В учении об ортоселекции учитывается роль как внешних, так и внутренних факторов, а также их взаимодействие в процессах естественного отбора. Эволюция не является ни «чистым» эктогенезом, ни «чистым» эндогенезом. Она не управляется, а направляется по многим путям, в том числе и по путям прогресса, ароморфного развития.

¹² Мейен, С. В. Логико-методологические и теоретические стереотипы в биологии // О специфике биологического знания. Тезисы к конференции. – М., 1987. – С. 36.

Новые данные и вызываемые ими вопросы, обсуждаемые, в частности, в работах Ю. В. Чайковского (публикации в журнале «Биология в школе» последних лет), требуют дальнейших преобразований СТЭ и других концепций биологического развития. Возможно, что со временем названия «дарвинизм, СТЭ, номогенез, недарвиновская эволюция» будут означать лишь вехи истории и логики формирования биологического эволюционизма как компонента единой теории органической жизни (ЕТЖ). Вопросы ее формирования рассматриваются в ряде наших публикаций.

Сегодняшние трудности, в частности повторяющееся воспроизведение альтернативных идей, говорят не об их несостоятельности, а, скорее, наоборот, свидетельствуют о выделении противоречивых сторон органической жизни как закономерности познания, а также показывают невозможность преодоления выявляемых противоречий самой биологией. Группировка фактов, обоснование выводов предопределяются методологическими ориентирами, которые определяются метатеоретическими конструкциями используемой картины мира, ее идей и образов. История альтернативных концепций убеждает, что преодоление их конфронтации удастся наметить лишь с позиций материалистической диалектики.

ВЫВОДЫ

Поиск новых путей развития знаний о живом, выделение рационального содержания критики дарвинизма – важнейшие задачи биологического познания. В их решении может оказаться полезной постановка вопроса о неклассической биологии. Работы А. А. Любищева, как и других противников дарвиновского эволюционного учения, по-своему стимулируют разработку различных аспектов идеи развития в биологии, вызывая новые гипотезы, полезные для развития науки дискуссии. «Феномен» же Любищева ведет в вопросах мировоззрения, объяснения эволюционных изменений на неконструктивные позиции «биологического» идеализма. Поэтому нет оснований связывать перспективы развития биологического познания с «феноменом» Любищева, который если и имел место, то заключался в более чем 40-летнем отрицании значения идеи естественной селекции в процессах эволюции.

Сопоставляя высказанные А. А. Любищевым взгляды с положениями его предшественников по отрицанию ведущей роли естественного отбора и случайного характера наследственных изменений, мы подходим к выводу, что «уникальное собрание трудных и нежелательных для нынешней биологии фактов» довольно произвольно связывается с именем А. А. Любищева. Основные возражения против дарвиновского эволюционного учения были высказаны в фундаментальной сводке Н. Я. Данилевского. Теоретические положения А. А. Любищева оказались продолжением учения академика Л. С. Берга о номогенезе – закономерной эволюции, противопоставляемой случайным дарвиновским и ненаправленным изменениям.

Принятие идей направленной, закономерной эволюции, соотносимой с действием активной, нематериальной формы разошлось с магистральным направлением научного познания, пришедшего к идеям синергетики. Новейшие исследования на ведущих направлениях научного поиска показывают принципиально случайный, ненаправленный характер изначально хаотичных состояний элементов и компонентов, а также способность спонтанного появления «порядка из хаоса» без действия сверхъестественных сил¹³. Данные синергетики показывают также способность спонтанного появления «порядка из хаоса» без действия сверхъестественных сил, как бы их ни называли. Идеи синергетики в сочетании с системными представлениями позволяют идти к научной проработке проблемы направленности развития, в частности, биологического прогресса.

Ни А. А. Любищеву, ни ревнителям «феномена Любищева» в 1970-е годы, как и нынешним сторонникам «платонической биологии», не удается обосновать преимущества идеалистической «линии Платона» в развитии культуры и биологии, в частности. Вопреки идеалистической устремленности к теоретическим построениям, сами маститые ученые, включая А. А. Любищева, его сторонников и последователей, добивались ощутимых успехов, используя ориентиры материализма и диалектики. Порою эти ориентиры обнаруживаются за громоздкими идеалистическими кон-

¹³ См., например: Степин, В. С. Саморазвивающиеся системы: новые стратегии деятельности / К итогам III Российского философского конгресса. Пленарный доклад // Вестник РФО. – 2003. – № 2; Синергетическая парадигма: сборник. – М., 2002.

струкциями в причудливых формах установок стихийной диалектики и естественноисторического материализма.

Сегодня мы не можем со всей определенностью начертать контуры будущей «неклассической» биологии. Но с уверенностью можно сказать, что движение к этой новой биологии будет идти не через постулаты «феномена» Любищева и не через создание «платонической биологии», как бы к этому ни стремились и ни призывали крупнейшие научные авторитеты. Новая «неклассическая» биология не откажется от ставшего классическим принципа естественной селекции, но, что более вероятно, ограничит масштаб действия и его значение в эволюции. С уверенностью можно сказать, что методологической основой естествознания будут ориентиры материалистической диалектики, обновляемой в процессе развития и преодолевающей временные кризисы. **Материалистическая диалектика является методологической основой**, адекватной современному состоянию и задачам развития биологии, ставшей одним из лидеров естествознания. Отход же ряда исследователей от динамично развивающихся ориентиров материалистической диалектики, их стремление создать «платоническую биологию» и показать значимость «линии Платона» в истории культуры порождаются сложностью анализа и осмысления кризисных процессов, вызываемых «трудностями роста» науки. Развитие науки идет через преодоление кризисов. С надеждой и оптимизмом будем, по мере возможности, содействовать преодолению кризиса как временного, переходящего состояния современной науки и одного из ее лидеров – биологии!